

Константин Лаппо-Данилевский. Анакреонтические оды М. М. Хераскова	347
Ульяна Башко. Азартная игра как экономическая метафора (на примере «Жюли» А. В. Дружинина и «Игрока» Ф. М. Достоевского)	361
Ольга Макаревич. Н. С. Лесков и журнал «Русский рабочий»: к истории русского редстокизма	374
Ксения Высокович. Тургенев и Шопенгауэр	410
Лада Панова. Авангардный комплекс «мнимого сиротства»: символическая экзекуция отцовских фигур	424
Дарья Башкайкина. Экспрессивность концептуального поля «здоровье – болезнь» в лирике Эдуарда Багрицкого	441
Андрей Романов. Проблема самоидентификации в лирике Анны Горенко	450
Олег Лекманов. «На все вопросы отвечает Rambler», или Современный русский поэт перед компьютером: 14 вариантов	460
Указатель имен	471
Указатель статей, опубликованных в журнале «Летняя школа по русской литературе» в 2016 году	486

Тираж 500 экз.

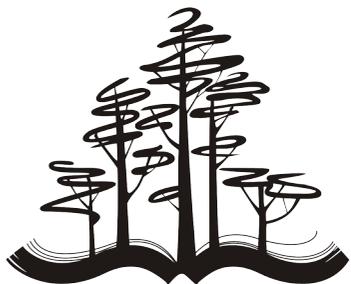
2016 XII (4)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2016 (4)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Веницкий (Филадельфия, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru
<http://schoolssummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2307-5945 = Letná škola

© Авторы статей, 2016

© «Летняя школа по русской литературе», 2016

Информация об авторах

Константин Лаппо-Данилевский, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы РАН, Санкт-Петербург, Россия
yurij-danilevskij@yandex.ru

Ульяна Башко, студентка Московского государственного университета, Москва, Россия
Ulyasha0210@gmail.com

Ольга Макаревич, кандидат филологических наук, научный редактор журнала «Русская литература», Санкт-Петербург, Россия
philologolga@gmail.com

Ксения Высокович, студентка Смоленского государственного университета, Смоленск, Россия
ksusha161094@yandex.ru

Лада Панова, профессор университета Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США
gatto_pardo@mail.ru

Дарья Башкайкина, студентка Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия
bashkaikina.d@gmail.com

Андрей Романов, студент Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия
hp72007@yandex.ru

Олег Лекманов, доктор филологических наук, профессор национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
lekmanov@mail.ru

ОЛЬГА МАКАРЕВИЧ
(Санкт-Петербург)

Н. С. ЛЕСКОВ И ЖУРНАЛ «РУССКИЙ РАБОЧИЙ»: К ИСТОРИИ РУССКОГО РЕДСТОКИЗМА¹

В статье рассматривается источник очерка Н. С. Лескова «Сентиментальное благочестие» — отзыв о журнале «Русский рабочий» на заседании особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения. Сопоставление текстов позволяет сопоставить позицию Лескова как писателя и как чиновника. Также публикуется текст отзыва.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, «Сентиментальное благочестие», редстокизм, «Русский рабочий», Ученый комитет Министерства народного просвещения.

An article is dedicated to the source of the essay by N. S. Leskov “Sentimental holiness”. It is a reply to a “Russian worker” magazine voiced on a meeting of a special department of Scientific committee in Ministry of Education. The comparison of texts lets to compare Leskov-writer and Leskov-clerk. Here is a text of his reply.

Key words: N. S. Leskov, “Sentimental holiness”, redstockism, “Russian worker”, Scientific committee in Ministry of Education.

Учение лорда Редстока и деятельность его последователей (или, как называл его Н. С. Лесков, «великосветский раскол») оценивались писателем неоднозначно, а мнение о нем изменялось с течением времени. Если в первых произведениях о редстокизме преобладают комические, драмо-комические и даже сатирические интонации («Несколько слов по поводу записки преосвященного митрополита Арсения о духоборских и других сектах»,² «На краю света»,³ «Сенти-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-04-50118 «Н. С. Лесков — сотрудник особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения».

² Гражданин. 1875. № 15–16. С. 377–381.

³ Впервые: *Лесков Н. С.* На краю света (Из воспоминаний архиерея) // Там же. 1875. № 52. 28 дек. С. 1284–1286; 1876. № 1. 5 янв. С. 13–15; № 2. 12 янв. С. 45–49; № 3. 18 янв. С. 75–80; № 4. 25 янв. С. 107–109; № 6. 8 февр. С. 168–172. В том же году рассказ вышел отдельным изданием.

ментальное благочестие»,¹ «Великосветский раскол»²), то в более поздних произведениях конца 1870-х — начала 1880-х годов, хотя и сохраняются иронические интонации, появляются и определенные симпатии как к «недужинной личности» самого Редстока, так и к некоторым из его последователей («Религиозные новаторы. Редсток и Вальденштрем»,³ «Чудеса и знамения»⁴ и др.).⁵ Критический пафос лесковской интерпретации редстокизма связан прежде всего с догматическим «отпадением» проповеди Редстока от православного учения (в частности, догмат об «оправдании верою» вызывает у Лескова резкое неприятие). Однако одним из ведущих мотивов, нашедших свое воплощение уже в первых произведениях о редстокизме, станет мотив женской религиозности, ее экзальтированности и сентиментальности. К этой проблеме писатель обращается и в повести «На краю света», где появляется метафора «канареечного Христа», но наиболее подробно эта тема разработана в статье «Сентиментальное благочестие».

«Этюд», по определению автора, вырос из отзыва Лескова на журнал «Русский рабочий», составленного им для особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения и прочитанного на заседании 13 января 1876 года. Запись этого доклада сохранилась в Журнале заседаний

¹ Православное обозрение. 1876. Т. 1. № 3. С. 526–551.

² Впервые: *Лесков Н. С. Великосветский раскол*. Гренвиль Вальдигрев лорд Редсток, его жизнь, учение и проповедь. Очерк // Там же. 1876. Т. 3. № 9 и 10. С. 138–178, 300–326; 1877. Т. 1. № 2. С. 294–334. В 1877 году очерк вышел тремя изданиями, первое из них — в Москве: *Лесков Н. С. Великосветский раскол*. Лорд Редсток и его последователи. Очерк современного религиозного движения в Петербургском обществе. М., 1877. Затем — двумя изданиями в Петербурге с приложением к очерку не только молитв пастора Берсье, но и этюда «Сентиментальное благочестие».

³ Новое время. 1879. № 1165. 29 мая.

⁴ Церковно-общественный вестник. 1878. № 40. С. 3–4.

⁵ Подробнее об отношении Лескова к пашковству см.: *Ильинская Т. Б. Русское разноверие в творчестве Н. С. Лескова*. СПб., 2010. С. 185–220; *Сидяков Ю. Л. «Великосветский раскол» и народные этические искания в публицистике Н. С. Лескова* // Актуальные проблемы теории и истории русской литературы. Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1987. Вып. 748. С. 109–119; *Edgerton W. Leskov, Paskov, the Stundists and Newly Discovered Letter* // *Orbis scriptus Dimitrij Tschipewskij zum 70 Geburtstag*. München, 1966. S. 187–199, и др.

отдела.¹ Хотя текстологически опубликованная в журнале «Православное обозрение» статья и отзыв очень близки, имеющие различия и расхождения позволяют охарактеризовать, с одной стороны, отношение Лескова к зарождающемуся пашковству и особенно к деятельности сторонников этого течения по распространению в народе христианского просвещения, с другой стороны, — позицию Лескова как чиновника, сотрудника Министерства народного просвещения.

Статья «Сентиментальное благочестие. Великосветский опыт простнародн.<ого> журн.<ала>» начинается с указания на общественный контекст, в который вписывается «Русский рабочий», — «жиденькие брошюрки, в которых разные неизвестные авторы все трактовали об оправдании и спасении и предлагали назидательные повествованьца» (с. 303).² Здесь же отмечен и тот факт, что журнал «занят духовными вопросами <...> и решает многие из них в таком духе, который мы позволили себе выше назвать <...> „странным“» (с. 305).

Отзыв, прочитанный на заседании особого отдела Ученого комитета, открывается краткой, но немаловажной оговоркой: «Десять номеров вышеназванного издания поступили на рассмотрение Ученого Комитета во исполнение распоряжения Его Сиятельства Г. Министра Народного Просвещения графа Дмитрия Андреевича Толстого».³ Обычная практика работы Ученого комитета МНП подразумевала, что книги на рецензирование представлялись самими авторами (переводчиками) или издателями. Оговаривая, что книга поступила по особому поручению Д. А. Толстого, бывшего в тот момент как министром народного просвещения, так и обер-прокурором Синода, Лесков декларирует необходимость внимательного к ней отношения, так как распоряже-

¹ В Журнал заседаний особого отдела Ученого Комитета Министерства народного просвещения доклады записывались Савваитовым по черновикам, которые зачитывались на заседаниях. Поскольку в конце каждого протокола есть подписи всех членов отдела, присутствовавших на заседании, текст доклада можно считать авторизованной копией.

² Здесь и далее «Сентиментальное благочестие» цитируется по изданию: *Лесков Н. С. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. Очерк современного религиозного движения в Петербургском обществе.* 3-е изд. СПб.: Тип. В. Тушнова, 1877.

³ Текст отзыва см. ниже в данной статье.

ние министра подразумевало уже негласное неформальное одобрение.¹ Дальнейшее содержание статьи неоднозначно и предопределяет скорее отказ в рекомендации, нежели допущение или тем более одобрение журнала. Забегая вперед, скажем, что, чтобы избежать «неудобной» ситуации, Лесков воздерживается от высказывания своего решения о возможности допущения журнала в библиотеки учебных заведений, подконтрольных МНП, в финале доклада и предпочитает разделить ответственность за принятое решение с коллегами.

Стоит отметить, что «Русский рабочий» не был первым изданием, которое попадало на рассмотрение в особый отдел Ученого комитета от лиц, так или иначе симпатизировавших учению Редстока. На заседании 9 декабря 1875 года был заслушан доклад Лескова «об изданной графом М. М. Корфом гравюре с текстами из Священного Писания, напечатанной в картографическом заведении Ильина, в два тона, с киноварью».² Хотя редстокизм и симпатии Модеста Модестовича Корфа к пашковству ни в отзыве, ни в представленной в Ученый комитет «духовной картине» (такое определение дал гравюре сам Корф) никак не отражены, содержание ее связано с популярной в среде «великосветского раскола» идеей широкого распространения Евангелия в народе, а за образец взяты аналогичные английские издания. Лесков отмечает популярность подобных гравюр «у евангеликов и лютеран» и дает однозначно положительную характеристику, противопоставляя этому изданию «грубые литографии и лубочные гравюры, содержание которых нередко бывает весьма пошло и вредит одновременно и нравственной стороне потребителей, и их эстетике».³ Именно Лескову принадлежит идея распространять это и подобные издания в народе, раздавая их в качестве награды ученикам за хорошую успеваемость. Оговоримся, что ссылки на предпринятое Корфом издание появляются в прочитанном Лесковым докладе о «Русском рабочем», но отсутствуют в опубликованной статье.

¹ См.: *Рейсер С. А.* Н. С. Лесков и народная книга // Русская литература. 1990. № 1. С. 188–189.

² РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 28. С. 941–945.

³ Там же. С. 944–945.

Оценивая подбор цитат, приводимых на последней странице каждого номера «Русского рабочего», писатель отмечает, что выбор сделан плохо и часть библейских цитат будет непонятна простолюдину. Хотя сама идея чтения и популяризации Библии в народе — одна из тех, которым сам Лесков придавал большое значение, еще важнее выбирать цитаты так, чтобы они были объединены какой-либо темой, а их нравоучительный смысл был понятен вне контекста. Гравюра Корфа в этом отношении является удачным опытом, в отличие от «Русского рабочего», но в «Сентиментальном благочестии» Лесков предпочел сослаться на «английское и французское аналогичные издания», сохранив также упоминание «Избранных мест из Св. Писания», изданных Н. И. Новиковым (с. 359).

Тем не менее, характеризуя содержание и оформление «Русского рабочего», Лесков избегает вопроса о симпатиях его издательниц к проповеди и учению лорда Редстока. Если проблема «женской религиозности» и многочисленные саркастические эскапады в адрес «дам, мечтающих о народном благочестии за вышиванием *broderie anglaise*» (с. 310), в «Сентиментальном благочестии» занимают едва ли не центральное место, то в отзыве особого отдела эта тема не затрагивается вообще. Обратимся к конкретным примерам.

Анализируя напечатанный в № 1 «Русского рабочего» за 1875 год рассказ «Елка», Лесков отмечает ошибки в описании распорядка дня Рождества русского человека. Главный герой, Иван Григорьев, не идет в церковь, пьет утром чай, читает Евангелие перед наряженной елкой, а не перед лампадой, и пр. В отзыве особого отдела вывод Лескова таков: «Такой Иван Григорьев <...> каждому благочестивому русскому человеку будет казаться иностранцем, чуждым весьма чтимых <...> наших религиозных обычаев и отеческих преданий и <...> вызывает к себе не сочувствие, а опять-таки насмешку, если даже не суровую укоризну». В «Сентиментальном благочестии» эта мысль выражена резче: «Опять правильно или нет, это другой вопрос, но во всяком случае такой Иван Григорьев <...> совсем не русский человек, а какой-то „ряженный“, и как бы он ни был добропорядочен, он у русского простолюдина не возбудит к себе сочувствия и не

вызовет подражания, а опять-таки скорее заставит посмеяться над неумением вести себя под маскою» (с. 314–315). Если в отзыве речь идет лишь о неверном фактологическом изображении русского быта и обычаев, что, как верно замечает Лесков, приведет к несовпадению читательских ожиданий с авторским замыслом, то в опубликованной статье прослеживается мысль о карикатурности созданного образа, а причиной писательского фиаско названо «самое невероятное непонимание дела» (с. 310) издательницами журнала.

Первая статья № 2 «Русского рабочего», озаглавленная «Открытая дверь», заслуживает критики Лескова уже не неверностью изображения, а заложенным в ней нравоучительным смыслом — ошибочностью мысли о «доступности неба каждому, кто только обратится ко Христу одною верою» (с. 320). Обоснование критики этого утверждения отличается в опубликованном и прочитанном тексте:

«Сентиментальное благочестие»	Отзыв особого отдела Ученого комитета
«По учению нашей церкви, основанному на учении апостольском, чтобы войти в дверь, надо быть сколько-нибудь достойным того, по мере сил своих „подражая Христу“» (с. 319).	«По учению нашей церкви, согласному с учением апостольским, чтобы войти в дверь, надо подходить к ней „узким путем“, т. е. житием благоугодным. Учение это правильное и верное духу Евангельскому, драгоценно по плодам его, по которым и познается его превосходство».

В опубликованной статье Лесков обращается к идее подражания Христу, которая занимает важное место в его художественных произведениях.¹ В отзыве же предпочитает обосновать несоответствие православного учения положениям, высказываемым в журнале, с помощью аллюзии к Евангелию: упоминаемый «узкий путь» — легко прочитываемая отсылка к 7 главе Евангелия от Матфея: «Внидите узкими врата: яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им: что узкая врата и тесныи

¹ См.: Макаревич О. В. *Imitatio* как один из принципов поэтики Н. С. Лескова // Летняя школа по русской литературе. 2012. Т. 8. № 1. С. 244–254.

путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обрѣтають его» (Матф. 7: 13–14).

За рамками отзыва особого отдела остается и вопрос об оправдании верою, а не делами — краеугольный камень проповедей Редстока. Продолжая анализ рассказа «Открытая дверь», Лесков сопоставляет в «Сентиментальном благочестии» издательниц журнала с еще одним новозаветным образом — юродивыми девами из 25 главы Евангелия от Матфея, имевшими светильники, но забывшими о елее.

Иными словами, у опубликованной статьи и у отзыва оказываются разные цели: если задачей Лескова как сотрудника Ученого комитета МНП было рассмотрение издания с точки зрения его пригодности для распространения в народе, то объектом критики Лескова как автора статьи в «Православном обозрении» является не столько сам журнал, сколько позиция издательниц, занявшихся весьма достойным делом, но реализовавших свой проект крайне неумело. Это становится ясно уже из эпиграфа, предпосланного «Сентиментальному благочестию»: «Иной бы почел сие ересью; но я почитаю плодом малопросвещенного, но высокомерного о себе воображения» (с. 303). Эта цитата из митрополита Платона (Левшина), по сути, отражает и позицию Лескова по отношению к редстокизму в целом: яркая и энергичная проповедь при ничтожном, не выдерживающем критики содержании.

Во многих случаях отрицательный отзыв Лескова о том или ином тексте из журнала обусловлен не только отражением в издании «великосветской ереси», но и неумелым обращением с общеизвестными притчами и фактами. Критикуя рассуждения издательниц о том, что матери должны брать пример с коровы, заботящейся о ребенке (Русский рабочий. 1875. № 5), он говорит о социальных причинах детской смертности и недостаточности заботы матерей о детях. Неумелость рассказа, доходящая до курьезных утверждений, провоцирует и иронический тон в «Сентиментальном благочестии», которому, конечно же, не место в чиновничьем документе: «Не многим <...> отличается и английская корова: корова все корова, и там она, по замечанию английского же сатирического поэта, „позабывая о телке, мычит бес-

стыдно: «Мммуужа!»“ Чему пристало женщине учиться у коровы? — вздор какой-то» (с. 335).

Нельзя не отметить, что принципиально разными оказываются источники, из которых черпает Лесков аргументы для подкрепления тех или иных своих высказываний в этих двух текстах. В «Сентиментальном благочестии», как это вообще свойственно Лескову, имеется немало цитат и обращений к читателю образованному и знакомому с религиозной литературой: здесь мы находим самый широкий круг источников, причем как отечественных ученых, педагогов, церковных деятелей и духовных лиц, так и западноевропейских богословов (Н. И. Пирогов, Д. Л. Моуди, Стефан Яворский, пастор Мазинг, иером. Ипполит Лютостанский, Ф. Р. Гассе, М. Арнольд и мн. др.). Лесков-чиновник избегает чрезмерного цитирования и практически никогда не ссылается на работы современников по церковным вопросам,¹ в некоторых случаях предпочитая абстрактные отсылки к «мнению церкви». Например, критикуя рассказ об Александре Невском за то, что князь представлен только как историческое лицо, но не как чтимый русской церковью святой, Лесков отмечает: «...а родная церковь наша всегда порицает *гордость* как черту характера сатанинского, и потому не приписывает этой черты людям, чтимым за святость своей жизни». В то же время из опубликованного варианта исчез довольно-таки большой фрагмент, где упоминался Ориген. Приведем его полностью:

На 2м столбце читаем: «*мы видим* на каждом шагу, как милосерд и терпелив Господь, как готов простить самого виновного из детей своих». На самом деле большинство людей этого совсем *не видят* и даже *не верят* этому. Церковная литература преизобилует обширнейшими трудами, предпринимавшимися с целью успокоить мятущееся

¹ Стоит заметить, что Лесков в особом отделе, несмотря на напряженность отношений с коллегами, имел сформировавшееся амплу человека хорошо знакомого с церковной литературой и осведомленного в богословских вопросах. Ему всегда отдавались на рецензирование тексты, в которых так или иначе затрагивались вопросы религиозной нравственности или библейской истории. В частности, именно ему было поручено составить доклад в ответ на инициативу Синода издать книгу для противодействия пьянству и разгулу в народе. См.: РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 33. С. 459–472.

недовольство человека при очезримой неправде и так называемом «счастьи грешных». Это занимало гениальнейших церковных писателей и в числе их Оригена, который, желая примирить такие ум смущающие явления с проповедаваемой церковью «правдою Божиею», сам впал в ересь, допуская необходимость предсуществования душ, без чего он не видал возможности убедить человека, что он не покинут Богом на произвол случая и терпит по заслугам своим и по справедливости Божией. В правду и в милость Божию мы можем и должны *верить*; но утверждать, что «мы ее видим», да еще вдобавок «на каждом шагу», это мне кажется и ненужно, и небезопасно.

Думается, что исключение данного фрагмента из «Сентиментального благочестия» связано совсем не с упоминанием имени Оригена, впавшего в ересь и преданного анафеме (второе из упоминаний в статье сохранилось). Можно предположить, что духовная цензура не согласилась с исходным утверждением Лескова. Если в отзыве особого отдела Ученого комитета данный фрагмент выглядел вполне обоснованно — Лесков критикует то положение, которое, по его мнению, неудобно в народной литературе, — то в опубликованном тексте он выглядел бы как своего рода сомнения в сформированности у русских людей православного мироощущения. В его художественных и публицистических произведениях неоднократно звучит мысль о том, что «мы во Христа крестимся, но еще во Христа не облакаемся».¹ Но будучи высказанной прямо, она звучит не менее еретически, чем рассуждения Оригена.

В завершении «Сентиментального благочестия» мы встречаем рассуждения автора о чтении Библии и о том, каким должно быть содержание народного чтения. Отмечая важность обращения к тексту как самой Библии, так и отеческих писаний, которые помогут понять Слово Божие, Лесков тем не менее крайне негативно отзываясь о «великосветских штундистах», которые ожидают, что «одно знакомство с Библиею давало вере <...> „неизгладимое достоинство“». Заканчивается статья словами о том, что, при всей необходимости

¹ Лесков Н. С. Соборяне // Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2012. Т. 11. С. 54. Фраза является скрытой цитатой из Послания Апостола Павла (Гал. 3: 27) — см.: Там же. С. 635.

изданий, направленных к формированию нравственности в народе и основанных на христианской морали, «*нужно совсем не это* <т. е. не такое издание, не с таким направлением. — *О. М.*>» (с. 365).

Позиции Лескова-критика и Лескова-чиновника, представленные в двух текстах, нельзя назвать ни сходными, ни противопоставленными — скорее, они дополняют друг друга. Высоко оценивая качество внешней стороны «Русского рабочего», Лесков-чиновник тем не менее не соглашается с незнанием русского быта, русских обычаев и русской религиозности «великосветскими» издательницами. Анализируя этот же журнал, Лесков-критик в «Православном обозрении» выступает против попыток «скормить» народу под видом нравоучительных сочинений тексты, чуждые православной догматике и самому духу православного учения.¹ Однако нельзя не отметить тот факт, что позиция писателя и чиновника сходна в вопросе отношения к церкви и значимости православия для народной нравственности: столь характерных для позднего Лескова высказываний, критикующих церковь как социальный институт, ни в том, ни в другом тексте найти нельзя.

Наконец, «Журнал заседаний особого отдела Ученого комитета» фиксирует и тот факт, что с течением времени отношение Лескова к журналу изменилось. В первом отзыве на журнал «Сельское чтение», в заседании 10 июля 1877 года, Лесков упоминает «Русский рабочий» как пример народного издания, в котором нашли отражение «крайности учения известного и в России лорда Редстока».² При повторном

¹ Сказанное позволяет не вполне согласиться с А. Н. Лесковым, утверждавшим, со ссылкой на письмо отца к Суворину от 22 апреля 1888 года, что его отцу во второй половине 1870-х приходилось «завивать» что попало, кроме „Православного обозрения“, <...> и в „Страннике“, и в „Церковно-общественном вестнике“. Причина публикации серии статей в околоцерковной периодике не может сводиться только к тому, что Лескову было негде более печататься после разрыва с Катковым: поднимавшиеся им в публицистике проблемы и мнение по этим вопросам были в определенной степени созвучны той позиции, которую занимали названные журналы (см.: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 64).

² РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 33. С. 713.

рассмотрении «Сельского чтения» в заседании 13 декабря того же года, Лесков говорит о «Русском рабочем» более подробно и изменяет свое отношение к журналу М. Г. Пейкер:

За сим, мне кажется, нужно определить место и значение журнала «Сельское чтение» среди однородных с ним повременных изданий для низшего по образованию класса народа. В этом случае его приходится сравнивать с «Мирским словом», «Народным листком» г. Дмитриева, «Русским рабочим» г-жи Пейкер. <...> «Русский рабочий» очень опрятное и изящное издание, руководимое г. Пейкер не так разносторонне, как «Народный листок» и «Сельское чтение». «Русский рабочий» не только по преимуществу, но даже исключительно предан одним религиозным вопросам, — вопросам веры, которые в этом издании не получают какой-нибудь ученой разработки, а просто получают поддержку в виде убеждений, что необходимо верить и уповать, что «вера спасает». Это чрезвычайно изящное и благородное издание необыкновенно дешево — оно стоит 1 р. за двенадцать номеров, но, к сожалению, вначале было проникнуто духом того особенного протестантизма, который образовал своего рода раскол в некоторых русских великосветских кружках. Такое направление было причиною, что Комитет был вынужден устранить это издание от обращения в школах. Ныне оно, как мне кажется, значительно изменилось и отступило от своих прежних взглядов, но тем не менее оно все-таки еще наново не рассмотрено и не пользуется одобрением Ученого Комитета.¹

Добавим также, что в 1878–1879 годах Лесков публикует на страницах «Русского рабочего» подборку цитат, озаглавленную «Изборник отеческих мнений о важности Священного Писания».

Ниже приводится отзыв Лескова о десяти номерах журнала «Русский рабочий» за 1875 год, прочитанный на заседании особого отдела Ученого комитета МНП 13 января 1876 года (РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 31. С. 12–35). Орфография и пунктуация в публикуемом тексте исправлены в соответствии с современными нормами, подчеркнутое выделено курсивом. В квадратных скобках приведен текст, очевидно не принадлежащий Лескову, в угловых раскрыты используемые сокращения.

¹ Там же. С. 936–937.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[ОТЗЫВ Н. С. ЛЕСКОВА О ЖУРНАЛЕ «РУССКИЙ РАБОЧИЙ»
ЗА 1875 ГОД]

[Слушали (ст. II): мнение члена *Лескова* о периодическом иллюстрированном издании: «*Русский рабочий*».^[1] Редактор М. Г. Пейкер. С.Пб. 1875. №№ 1–10. Цена за каждый № 5 коп., с пересылкою 8 коп.; за 12 №№ 60 <коп.>, с пересылкою 85 коп.].

Десять номеров вышеназванного издания поступили на рассмотрение Ученого Комитета во исполнение распоряжения Его Сиятельства Г. Министра Народного Просвещения графа Дмитрия Андреевича Толстого.^[2] Представляют они собою следующее: № 1. Первая, лицевая страница перегнутого вдвое полулиста занята картиною, изображающею, как внизу подписано, «сеятеля, снятого с натуры в Палестине». Это человек очень благородного восточного типа в аравийских туфлях и чалме, через плечо у него висит плетеная севалка, из которой он сеет семя по взоранной земле. На втором плане виден такого же типа восточный пахарь; а на заднем плане, граничащем с горизонтом, восточные купольные постройки. По аксессуарам картины, во числе коих тщательно выделаны часть пашни весьма разрыхленной, часть глыбоватой, терние и птицы, клюющие зерна, как только они падают на землю; очевидно, что это не просто случайный палестинский сеятель, а сеятель, приспособленный к евангельской притче, как она изложена в 4-й главе у Ев<ангелиста> Марка и частью в 13-й гл.<аве> у Ев<ангелиста> Матфея.^[3] Рисунок картинке безукоризненно хорош; также хорошо он исполнен гравюрою на дереве и отпечатан на бумаге. Это клише гравюры, известной по английским изданиям.^[4] Над картиною находится надпись «*русский рабочий*». Надпись эта поставлена несколько странно, так что нелегко определить, выражает ли она название листка или поясняет нарисованную под нею фигуру, что, впрочем, было бы весьма неудобно по несоответствию ее с изображением сеющего араба. Текст начинается с оборота первой страницы — он печатан в 4 страницы, по газетному приему. Во главе первого столбца напечатана руководящая идея издания:

«Рабочие люди — народ занятой. Мало у них досугов. Хотелось бы нам эти часы досугов усладить и обратить на их пользу. — Из этого желания вылилась мысль нашего листка». Ниже читаем: «Прежде всего в каждом рассказе и в каждой доброй мысли увидят Того, кто научил людей любить друг друга и помогать друг другу, кто чем может». — Таковы религиозно-нравственные задачи редакции, опять напоминающие собою однородные с сим изданием народные издания английские.

Первая статья есть «*Сеятель*», но в ней о Евангельском приточном сеятеле не говорится — это рассказ следующего содержания: крестьяне села Богословского собрались в *школьной зале* на похороны сельского учителя. Староста Иван Федотов в ожидании священника и барина пригласил всех собравшихся выпить горячего чайку. Староста говорит, что он потому потчует людей чаем, а не хмельным, что «дух» умершего учителя порадует, если они обойдутся^[5] *без вина и водки*. Один из крестьян по случаю этого заявления отвечает, что он «пьет третий стакан для того, чтобы угодить духу» усопшего. Начинается разговор о духе, разъясняемый пришедшим священником: он говорит, что надо иметь в виду «дух жизни и учения (учителя) Зайцева». Крестьянин восклицает: «Прекрасно сказано!» Далее священник говорит, что заслуги умершего учителя главным образом заключались в том, что он был человек верующий и сеял семя доброе. «Слово Божие — лучшее семя». Приезжает к выносу тела барин и тоже говорит, что усопший был «смирный сеятель» и «сеял для небесной отчизны», и потому предлагает соединиться всем в общей молитве, чтобы Господь послал достойного преемника усопшему. Такова первая повесть, весьма благонамеренная по своему направлению, но неискusstvenная по исполнению, которому недостает прежде всего хотя бы самого малейшего подобия жизненной правды. Вся эта сцена «в *школьной зале*», угощение старостою народа чаем *перед выносом мертвеца* и молитва о даровании ему доброго преемника прежде отпевания усопшего совершенно не в нравах и не в обычаях нашего народа. Для всякого, знающего народную жизнь, а тем более для простолюдина, это неловкое измышление непременно покажется несклади-

цею и возбудит насмешку над статьею, достойною по ее благонамеренности гораздо лучшего к ней отношения.

Вторая статья — «Ломоносов», краткий и ничем не оставивший на себе особого внимания рассказ о Ломоносове. Третья статья — «Елка»: рассказ идет об Иване Григорьеве, рабочем человеке, прежде проводившем нетрезвую жизнь и испытывавшем с семьею нужду, а потом исправившемся и ныне служащем «подрядчиком в строительном обществе». Этот Иван Григорьев просыпается утром в день Рождества Христова и весело входит в светлую, опрятную кухню, где «за круглым столом с блестящим самоваром ждет его красивая жена и четверо детей». «Весело ему», он получает поздравления детей и знает, что у него «в темной комнате» приготовлена для них «невиданная, небывалая, неожиданная радость: большая, разукрашенная елка». Мысль припасти детям елку пришла Ивану Григорьеву, когда он шел однажды купить себе на 5 коп. табаку и вдруг услышал, «как Вася разбирал книжечку под заглавием „Что говорит елка“». Иван Григорьев во весь день Рождества не выходит из дому; пока стемнело, он оканчивает украшение елки, кладет к ней обнови для детей и платье для жены. Елка открывается, дети радуются; все поют «Рождество Твое Христе Боже наш»; потом Иван Григорьев читает громко 2-ю главу Евангелия от Луки,^[6] и затем начинается раздача подарков. Тут является стороннее лицо, которому оказывается Иваном и его женою нежная помощь. Повесть опять самая благонамеренная, но чисто английская и, несмотря на введение в нее людей с русскими именами, она нимало не отвечает нашему народному быту. Что у нас есть рабочие люди, предающиеся пьянству, которым прежде занимался и представленный здесь Иван Григорьев, в этом нет никакого сомнения; точно так же как несомненно и то, что между русскими рабочими и мелкими торговцами есть люди религиозные и благочестивые, каким сделался описанный Иван Григорьев. Но благочестивый русский человек такого состояния, при котором хозяева пьют чай в своей кухне, не проводит день Христова Рождества так, как провел его Иван Григорьев. Русский человек этого круга, во-первых, вставши рано утром в праздник идет в церковь, а не садится «за круглый стол», ибо с точки

зрения хорошего религиозного русского человека неблагочестиво прежде наесться и напиться, а потом идти в храм. Он ходит к ранней обедне натошак. Во-вторых, «круглых столов» в русских кухнях *никогда* не бывает и быть не должно, ибо они там неудобны. В-третьих, семейные подарки в виде *обнов*, по русскому обычаю, делаются *к празднику*, а не в праздник. К празднику у простолюдинов обновы бывают уже сшиты. В-четвертых же, и это едва ли не самое главное, елки в России обычай далеко не общераспространенный, он держится только в семьях культурного класса, а отнюдь не в таких домах, где хозяева пьют свой чай в кухне.^[7] Такой Иван Григорьев, севший на Рождество пить чай, не сходяв в церковь, и читающий Евангелие перед иллюминированною елкою, а не пред теплеющеюся у св. икон лампадою, каждому благочестивому русскому человеку будет казаться иностранцем, чуждым весьма чтимых русскими наших религиозных обычаев и отеческих преданий, и, несмотря на всю добропорядочность такого человека, он вызывает к себе не сочувствие, а опять-таки насмешку, если даже не суровую укоризну.

Среди текста этого рассказа, в рамке, напечатаны два текста из Евангелия о слове и политипажная картинка, изображающая сельскую кирку и западно-европейского крестьянина с связкою хвороста за плечами, в *башмаках* и в *камашах* на ногах.

Номер закончен отрывком в виде афоризма — «Светлый взгляд на вещи». «Два ведра, качаясь на одном коромысле», рассуждают: одно имеет «печальный вид», потому что ему кажется бесполезной его работа: «Как бы нас ни наполняли, — говорит оно, — мы все возвращаемся к колодцу пустые». «Какой странный взгляд на вещи! — отвечает другое, — я, напротив, утешаюсь мыслию, что, как бы мы ни были пусты, когда приходим сюда, отсюда отправляемся домой полными».

№ 2-й во всю лицевую сторону 1-й страницы занят превосходно сделанною картинкою, изображающею ковку лошади. Разнузданная лошадь с кучым, так называемым «англицизированным» хвостом стоит смирно и с чрезвычайно хорошо переданным вниманием следит за работою кузнеца, прикладывающего подкову к ее копыту. Вся пластика

превосходных форм животного и особенно умное выражение головы заставляют любоваться этим прелестным художественным рисунком. Также, если еще не более, хорош нарисованный возле лошади (в ракурсе) осел, собака, сам кузнец и его кузница.

Первая статья идет о *ковке*, в ней есть несколько советов по этому предмету. Затем следует вторая статья «*Открытая дверь*». В горной Шотландии жила вдова, имевшая дочь, которая вела беспорядочную жизнь и долго не хотела возвращаться к матери; но наконец, когда вдова однажды вечером сидела печально у своего камелька, к ней пришла ее раскаявшаяся дочь и весьма удивилась, найдя дверь материнного жилища отпертою. Мать отвечает, что, с тех пор как дочь ее ушла, она «ни днем ни ночью не запирала двери», боясь, чтобы та, найдя дверь запертою, не ушла «снова и навсегда». Отсюда сделан такой вывод: «В этом трогательном рассказе мы видим отчасти изображение любви Божией». «Слово Евангелия призывает каждого омыть грехи в искупительной крови Христа, и радостно, приняв крещение, войти в открытую дверь Отцовского дома».^[8] Далее указывается, что «виновная дочь *не остановилась* перед дверью, взывая к матери». В ту минуту, как, умирая на кресте, Христос произнес слово «свершилось», *дверь милосердия открылась для грешников и они могут «посредством крови Христовой приступить к святилищу с дерзновением*». — Последние слова в статье напечатаны в выносных знаках, впрочем, без пояснений, из какого авторитетного богословского сочинения они заимствованы в «*Русский рабочий*»; но, во всяком случае, они, конечно, взяты из сочинений написанных не в духе восточной церкви, которая, хотя и признает безмерность божеского милосердия, но считает необходимым для получения прощения «*плоды, достойные покаяния*».^[9] Приводимая здесь мысль о примирении с Богом единственною верою в Него и заслугами Христовыми, без упоминания о необходимости «*плодов покаяния*», неправославна и здравой христианской философии. Прощение и примирение с Богом совершается через Христа, но оно отнюдь не непременно удел каждого, кто обращается к Христу с просьбою спасти его. У Христа сказано, что Он многим звавшим его

скажет: «Я не знаю вас; идите от Меня».^[10] По учению нашей церкви, согласному с учением апостольским, чтобы войти в дверь, надо подходить к ней «узким путем», т. е. житием благоугодным. Учение это правильное и верное духу Евангельскому, драгоценно по плодам его, по которым и познается его превосходство. Приведенный же здесь взгляд принадлежит к крайним взглядам новейших протестантских отщепенцев, который противен даже отвергавшим видимую церковь мистикам, ибо и те указывали грешнику на необходимость «обратить душу прежде в пустыню, где мог бы жить Иоанн, а потом звать в нее Христа».^[11] Мысль о легкой доступности Неба каждому, кто только обратится к Христу одною верою; несомненно заключает в себе большую опасность даже в глазах солидных учителей новой христианской школы.^[12] Так, например, это опасение ясно выражено в протестантских молитвах известного французского пастора Берсье,^[13] где в 14-й молитве читаем: «*Да не свергнет нас упование на Твое милосердие в беспечность*».^[14] Упование же на дверь, всегда и для всех открытую одною ценою крови Христовой, без всяких усилий наших к самоисправлению, угрожает на<м> несомненною опасностью прийти к беспечности, которой отцы церкви восточной всегда опасались, и разумеется, весьма основательно. Каковы бы ни были те «предания человеческие», которые цитированы в рассматриваемой нами статейке «*Русского рабочего*», но для простых русских людей они не могут иметь никакой цены. Наши люди должны оставаться при всей полноте убеждений своей церкви об оправдании верою и *делами*.

Вторая статья 2-го № «*Русского рабочего*» «Пять копеек в день и к чему они опригодились (так!)». Рассказ о том, как один рабочий, начав откладывать при рождении сына по 5 коп. в день, собрал 202 р. 80 к., которые дали ему средство устроить сына на торговом пути. Мысль опять хорошая, но до того испорченная в развитии, что повесть эту нельзя дать в руки русскому простолюдину, если только не желать подрывать в нем всякое доверие к благонамеренной печати и укоренять и без того глубоко засевшее в простолюдинах убеждение, что «господа про них только вздор пишут». Здесь рассказано, что бережливый отец посылает сына

в школу, а «в 18¹ лет он определил его *посыльным мальчиком* в знакомую лавку на *небольшое жалование*, за то говорил несколько часов в неделю на посещение школы». «Два года Ваня находился при лавке», но вдруг хозяин его отпустил, потому-де, «что он будто бы уже очень велик для этой должности и должен искать себе что-нибудь потруднее». «Он взял бы меня теперь в ученье, в приказчики», — говорит мальчик, но «не может взять иначе, как за 75 р. платы за первый год». В рассказе и мальчик, и его родители этому верят, тогда как ни один человек из русского простонародья не может поверить такой нелепице. Тут все неверно житейским русским обычаям. 1) Никаких особых «*посыльных мальчиков*» при лавках у нас в России нет, а есть просто мальчики-ученики, употребляемые на всякую послугу при лавке. Они сначала метут лавку и чистят на хозяйской кухне ножи и сапоги, а также служат, когда надобно, на побегушках; но эти побегушки отнюдь не особая их специальность; а только одна из обязанностей торгового мальчика, из которых он ни за одну *никакой платы* не получает. Должность «мальчика» есть обыкновенная низшая ступень русской коммерческой карьеры. Торговец начинает «мальчиком», продолжает «молодцем», потом становится приказчиком, и тогда только начинает получать за труд плату. Торговый мальчик отдается родителями лавочнику «в годы», т. е. на определенное число лет, но никогда «на два года», а всегда гораздо более, обыкновенно на пять лет, и тут он приготавливается к торговле без всякой платы за учение, о чем неосновательно говорит «*Русский рабочий*». Условливаться, чтобы мальчик, сданный в лавку, имел время ходить в школу, у нас, к сожалению, тоже невозможно: на таких условиях ни один торговец в лавку мальчика не примет. Об этом в русской литературе за последние 15 лет очень много писано. Печать наша с почина экономического журнала, издававшегося в Петербурге профессором Вернадским,^[15] употребляла значительные усилия вызвать правительственное внимание к положению торговых мальчиков, но дело до сих пор остается по-старому. И теперь, когда окончание курса

¹ Видимо, описка. Должно быть 11.

какой-нибудь школы имеет свое значение при общей рекрутской повинности^[16] и когда ремесленные мальчики получили уже возможность посещать вечерние и праздничные школы, одни мальчики торговые до сих пор лишены этой возможности, ибо они находятся при торговле *всегда и неотступно*. Обстоятельства эти, вероятно, совсем неизвестны журналу «Русский рабочий», но русским рабочим они весьма известны. Афоризм 2-го № говорит, что, «вступая на первую ступеньку лестницы, мы немного еще приблизились к верхнему этажу, но уже поднялись от земли и избавились от сырости и грязи. Так и первый шаг в молитве: „Боже, будь милостив ко мне!“^[17] — еще не возносит нас до неба, но уже отделяет от земных помыслов и суеты мирской». На последней странице текста картинка, изображающая двух женщин, из которых одна, простоволосая, дремлет, сидя на стуле, а другая, в чепце, стирает щеткой стол. Под первую подписано «леность», а под вторую — «трудолюбие». Вверху страницы, в рамке, евангельский текст от Иоанна о том, как открылась нам «любовь Божия» (Иоан. IV. ст. 9).^[18]

Таков 2-й № «Русского Рабочего». Содержание сих двух первых №№ этого издания мною Комитету представлено во всей подробности, которую, мне кажется, можно уже считать излишнею по отношению к остальным восьми номерам, так как все следующие за сим восемь еще не доложенных мною Комитету номеров «Русского Рабочего» ничем по своему достоинству не отличаются от двух первых, рассмотренных нами до мельчайших их подробностей. В остальных номерах такие же прекрасные политипажные картинки и такой же текст, с каким мы познакомились из двух номеров. Все его литературные достоинства и направление остаются неизменными и верными образцам, над разбором которых я считал нужным так долго останавливать внимание Комитета, не опуская ни одной детали. Далее я буду указывать только на отдельные места прямо, по существу своему противоречащие требованиям здоровой критики.

В 3-м №, в рассказе о сварливом крестьянине Степане Тарасове сказано, будто (3-й столб. 10 стр.) «три раза кряду подавал он ко взысканию на Федора Никифорова, бедного работника у соседнего мужика. Федор уверял, что воз-

вратил *лопату*, занятую у Степана. Степан кричал, что нет: мировой судья решил в его пользу, и у Федора отняли *свинью*. Такая расправа совершенно невозможна: никакой мировой судья не присудит отобрать свинью за лопату. Вознаграждение за утрату чужой собственности производится совсем не так, как думают об этом в журнале «Русский рабочий». Этот же мужик Степан, мстя Федору, «отравил любимую овечку его жены»; русские крестьяне здесь, точно английские фермеры, переселяются в готовые «запущенные дома», они удобряют землю «старыми костями», деревенские бабы в видах соседской любезности посылают одна другой то «арбуз», то «корзину сочных вишен»...

В 4-м № приведено на 1-м столбце содержание статей английского журнала для рабочих, где сказано, что «теперь каждый крестьянин в России пользуется *такою же* свободой, как и высший сановник». На последней странице вслед за очень милым и теплым рассказом «Прощение победило» находится статейка «Уповай на Бога», а в ней следующая фраза: «Когда кошелек пуст, *все источники иссякли и в запасе только горсть муки и склянка масла*, уповать на Бога тогда — способен только христианин». Для указания преимуществ христианской веры здесь употреблен очень неловкий прием, ибо во-*<первы>*х *упование*, и притом самое непоколебимое и великое упование на Бога имели люди ветхозаветные, и Евреи в замечательной степени хранят его и поныне; а во-*<вторы>*х, та, чье упование здесь приведено в пример, вдова Сарепты Сидонской, разделившая с пророком Илиею «горсть муки и чванец елея», *была язычница*, что ясно и из самой Библии (См. III кн. Царств гл. 17) и доказано библейскою критикою. Образованному миру известна знаменитая проповедь английского пастора Стерна, где автор «Тристама Шанди» и «Путешествия Иорика» нашел возможность показать своим слушателям ничтожность их христианского упования сравнительно с смелым и твердым упованием «языческой вдовы из Сарепты Сидонской» («Беседа Стерна», изд. 1801^[19]). Библейская критика в том именно и видит чудо этого дивного упования вдовы на Бога, что вдова жила в пределах Финикии, где не верили чудесам Бога Израилева, и вдова, будучи сама язычницею, поверила

пророку Божию, что ни ее горсть муки, ни чванец елея не оскудеют.

В № 5 есть рассказ о корове, где читаем между прочим, что «корова дает прекрасный урок материнской любви: ее заботливость и внимание к теленочку, старание держать его в чистоте достойны подражания. Замечено, что телята весьма редко умирают от естественных причин, между тем как десятки тысяч детей погибают таким образом. *Матери, работающие на поле* или на фабрике, оставляют целыми днями детей своих на попечение нянек или других детей, тогда как *никто* и *ничто* не может заменить ребенку заботу матери. Не первый ли долг жены и матери быть хозяйкою и заботиться о детях? Деньги, заработанные женою на фабрике, окажутся в конце концов не выигрышем, а убытком» (стр. 18 стол. 2). Все это рассуждение, само по себе весьма человеколюбивое, могло бы иметь какой-нибудь смысл, будучи обращено к женщинам, которые, имея возможность не ходить на полевые и фабричные работы, делают это *по принципу*; но таких женщин нет среди рабочего народонаселения России. Редакции «*Русского рабочего*», очевидно, неизвестно, что русские крестьянки-матери работают на поле столько же не по своей охоте, сколько и не по какому-нибудь теоретическому принципу, а просто по необходимости, избежать которой они не могут. Точно также по нужде работницы ходят и на фабрики, может быть, даже и завидуя животным, которые не вынуждены покидать своих детей. Впрочем, и животное, в образец материнской нежности редакцию «*Русского рабочего*» выбрано совсем неудачно: у коровы на этот счет мало чему позаимствоваться. Притом же у нас в России нет обычая оставлять телят при корове, и вся нежность ее к теленку ограничивается только тем, что она его оближет сновотела, пока его от нее отлучат, как только отойдет рученец.

На 3-й стр. в 1-м столб. дочь рабочего дарит отцу связанные ею «рукавицы», а потом «душегрейку». Рукавицы у нас рабочие люди употребляют кожаные, которые только и называются «рукавицами», вкладная же вязанка называется «вязенками» или еще чаще «варяжками» (так!). Что же до «душегрейки», то это старинный, *женский* убор, кото-

рый и до сих пор носят горожанки отдаленных мест; но мужчины *никогда* душегреек не носили и не носят, и во всей их одежде нет никакой вещи, которая имела бы такое название.

В № 6, к картине *Вооз и Руфь*, помещен рассказ из библейской книги «Руфь». Рассказ сам по себе ничем не отличается от обыкновенных компиляций о Руфи; но по окончании повествования о том, как принял Вооз кроткую невестку Ноемину поставлен вопрос: «Не так ли Христос принимает приходящего к Нему?» — вопрос в этом случае довольно странный. Во-<первы>х, мы ничего обстоятельно не знаем: *как* принимает Христос приходящего к Нему. Нам на этот счет известно только, что Он «приходящего к Нему не ижденет вон»^[20] и что «у Отца нашего обители многи суть»,^[21] а что там такое и как там принимают, «того не видал глаз и не слышало ухо».^[22] Во-<вторы>х, хотя иноплемменная невестка Ноемини и представляет в своем характере прекрасные черты, но Библия повествует также, что красивая моавитянка, по наущению своей свекрови-еврейки, употребляла к прельщению старого Вооза чары своей красоты и была в этом так искательна, что в решительную ночь, когда развеселевший за трапезою старик спал, Руфь, умащенная и одетая в лучшие свои одежды, подкралась и легла с ним, а когда старик вздрогнул, сказала ему: «Прости крыло твое на мне», — после чего у старого Вооза и явилось желание «восстановить имя Махлоново» с его красивою молододою моавитскою вдовою, которая ему понравилась особенно тем, что не пошла за молодыми людьми и пришла к нему (Руфь. гл. 3. ст. 10). Покойный митрополит Филарет, говоря в своих *«Записках на книгу Бытия»*^[23] об истории Лота с его дочерьми, выражает прекрасную мысль, что все подобные сцены, в которых нет недостатка в Библии, может быть, происходили «в оно время» в такой простоте, что к ним даже непреложимы мерилა наших современных понятий; но, во всяком случае, мне кажется, позволительно недоумевать: для чего именно нужно сближать вопрос о принятии Христом верующей души с принятием Воозом Руфи, которая ему понравилась как женщина и возбудила в нем желание совершенно плотского свойства. В Библии и без того

довольно мест пророческого и преобразовательного характера, и лица, знакомые с литературой этого рода, могут находить их отлично сгруппированными напр.<имер> в известном английском сочинении г. Кейта.^[24]

В № 7, в рассказе о *крещении Руси*, передается известный случай убиения киевскими язычниками двух киевских же христиан Феодора и Иоанна, которых церковь наша причислила к лику святых и чествует их как первых русских мучеников за веру христианскую. Но «Русский рабочий», неуклонно воздерживающийся от всякого упоминания о святых русской церкви, даже не называет Феодора и Иоанна по именам, а только говорит глухо, что «посланные *взбесились*, сломали забор у дома христианина и отца с сыном убили». Так же само себе верно и последовательно это издание в своем старании нигде не обмолвиться насчет чтимых нашим народом русских святынь. Продолжая рассказ о крещении Руси и дойдя до происшествия с брошенным в Днепр Перуном, редакция говорит, что народ бежал за истуканом, крича «выдыбай, наш боже!», — и на этом повествование обрывается. Редакция жертвует полнотою рассказа и не считает нужным упомянуть о Выдубицком монастыре, основанном на том месте, где идол «выдыбнул» на берег и снова сброшен в воду. Между тем это сведение было бы излишнее.

В 8-м №, на лицевой стороне, картинка изображает одного солдата, который, стоя на коленях, молится Богу; а сзади его подкрались четыре солдата и издеваются над ним: трое из них показывают на него руками и сами хохочут, а один изготовился ударить сзади молящегося амуничным ремнем. Это, конечно, сцена из английских нравов, что можно видеть и по покрою солдатского платья, и по спущенной у одного солдата фуражечной тесьме не под бороду, а под нижнюю губу, как носят англичане. Впрочем, в русских войсках такая возмутительная сцена и невозможна: русский солдат и сам богомолен, и никогда над молитвою другого не издевается. Картина эта на русского простолюдина не может действовать иначе, как только поселяя в нем самое низкое мнение о благочестии английского народа, на самом деле довольно религиозного и благочестивого.

На 31 стр. в последнем столбце читаем: «Нелегко было Александру (Невскому) удержаться от *гордого* отказа» и проч. Мы своего великого князя Александра Невского чтим не только как историческое лицо, но и как святого человека, а родная церковь наша всегда порицает *гордость* как черту характера сатанинского, и потому не приписывает этой черты людям, чтимым за святость своей жизни. Желание дать *гордый* отказ лучше было бы заменить желанием дать отказ достойный, твердый или благородный, но отнюдь не *гордый*, что совсем не идет святому и звучит при его имени неприятным диссонансом.

9 № «Русского рабочего» заключает в себе рассказ «Карлета, маленькая италианка» и рассказ финляндского пастора. В последнем г. пастор сообщает о себе, что, когда он был бедным мальчиком, то мать сшила ему «передник» из оберточного коленкорového чехла, но на куске этом было намечено слово «шерсть». «Передник нельзя было иначе скроить, как включив печатное слово „шерсть“». Увидев на себе *передник* с тою надписью, будущий пастор сказал: «Не огорчайся, матушка: когда я приду в школу, то сяду на буквы». И он так будто бы и сделал, т. е. сел на буквы, которые приходились на самом видном месте его передника. Не представляется ли несколько странным, как мог г. пастор сесть на свой передник, который обыкновенно покрывает переднюю часть тела? В № 10 (стр. 38) на 1-м столбце сказано: «Родители, которые желают хорошо воспитать детей своих, должны прежде всего действовать с общего согласия». Это, мне кажется, не может быть общим правилом. Спора нет, что общее согласие родителей в воспитании детей весьма желательно, но оно не всегда возможно и в жизни, как и в литературе беспрестанно встречаются примеры, что дети получают более или менее хорошее воспитание только благодаря тому, что один из родителей, лучше понимающий задачи воспитания, ведет детей к лучшим целям, нередко против желания другого.

На 2-м столбце читаем: «Мы видим на каждом шагу, как милосерд и терпелив Господь, как готов простить самого виновного из детей своих». На самом деле большинство людей этого совсем не видят и даже не верят этому. Церковная

литература преизобилует обширнейшими трудами, предпринимавшимися с целью успокоить мятущееся недовольство человека при очезримой неправде и так называемом «счастьи грешных».^[25] Это занимало гениальнейших церковных писателей, и в числе их Оригена, который, желая примирить такие ум смущающие явления с проповедываемую церковью «правдою Божиею», сам впал в ересь, допуская необходимость предсуществования душ, без чего он не видал возможности убедить человека, что он не покинут Богом на произвол случая и терпит по заслугам своим и по справедливости Божией. В правду и в милость Божию мы можем и должны *верить*, но утверждать, что «мы ее видим», да еще вдобавок «на каждом шагу», это мне кажется и ненужно, и небезопасно.

Тут же выражено как бы общее правило, чтобы «никогда не наказывать детей в порыве гнева». Об этом у известных педагогов мнения разнятся и мне кажется, что Песталоцци, не осуждающий иногда наказание дитяти вгоряче под влиянием оскорбленного им чувства (стало быть именно «в порыве»), гораздо правее г. Пирогова и особенно некоторых новейших педагогов-резонеров, которые стоят за бесстрастную легальность в системе наказаний.^[26] Привожу памятный мне пример из одной замечательной полемики по этому предмету. Был предложен вопрос: «Что сердобольнее и целесообразнее: выдрать с негодованием за ухо мальчика, который украл с дерева вишню и отпустить его, или привязать его к этому дереву, чтобы он пострадал от унижения, как сознательный преступник, наказываемый бесстрастным законом?»^[27] Многие хорошие педагогики (так!) не признавали безусловных преимуществ за систематическими, бесстрастными наказаниями, и такого же мнения держался, насколько известно, покойный В. М. Леонтьев. Я думаю, что здесь всегда должны быть принимаемы в соображение натура ребенка, его характер, развитие, степень его порочности и свойство его вины. Все это вместе должно показать педагогу, какую систему он должен предпочесть в данном случае и с данным субъектом. Как общее же правило может быть сказано только то, что наказания никогда не должны быть несправедливы и жестоки.

На 3-м столбце сказано: «Отец наш небесный не наказывает нас *по произволу, а для пользы*, чтобы нам быть участниками в Его святости». По слову Апостола Павла, когда мы пускаемся разбирать подобные вопросы, мы подобны «глине, судящей горшечника», который «не вправе ли сделать из нас все, что Ему угодно?»^[28] Кроме того, мысль, что все наказания посылаются только «*для пользы*» наказуемого совсем не верна, ибо в Библии весьма ясно говорится о наказаниях, которые ниспосылаются не для пользы, а *для кары*. Было бы затруднительно цитировать здесь все свидетельства о сем св. Библии, но их можно видеть в 29 гл. Второзакония (ст. 22), 32 гл. ст. 39–42, 4-й кн. Царств 8, I книге Иова гл. 12 ст. 23–25; кн. прор. Исайи 42 ст. 24, кн. Иеремии 15 ст. 3 и 44 ст. 11; Иезекииля главы 5, 6, 7, 14, 28 и 30; Аммоса 3 и 9, Оссии 6, Михея 1-я ст. 12. В числе этих наказаний *в кару* встречаем: меч, погибель и «изглаждение имени и памяти»^[29] (Второзак. 9, 25, 29; Иов. 18.<,> Псал. 108, Исайя 14, 26 и 30), что, конечно, никак не может считаться наказанием *к пользе* заслужившего такую «*кару*». В Новом Завете грех «хуления Духа Святого» не прощается «ни в сем, ни в будущем веке» (Матф. 12, 31, Марка 3, 28<,> Луки 12, 10 — 1 Иоан 5, 16.<,> Евр. 6, 4 и пр. до 29). Следовательно, это тоже опять угрожает карою, а не наказанием на пользу, как силятся доказать мечтатели, желающие упразднить церковное учение о каре Божией вообще и о *вечной* каре в особенности.

Ниже читаем: «Нрав детей, как зеркало, отражает нрав родителей». Это мысль далеко не бесспорная и, по множеству примеров, которые ее опровергают, даже совсем несостоятельная. Кроме того, она опять-таки находится в самом резком противоречии с Библиею, где бездна самых разительных примеров, что нравы отцов не отражаются на детях. Так, Каин и Авель были дети одного отца и одной матери, но нравы их были различны; Хам не был сходен нравом со своим отцом Ноем и с своими братьями Симом и Иафетом; Исав и Иаков были не только единоутробные братья, но даже близнецы; но между тем они не были единого нрава. В истории их в Библии есть даже свидетельство, что прежде, чем оба брата родились, они уже были разнокачественны,

ибо еще «в утробе матери Господь возлюбил Иакова, а Исава возненавидел» (Римл. 9. 13). Тоже не сходство, а самую резкую противоположность с родителями мы видим на детях пророка Самуила, первосвященника Илии и царя Давида. Апост.<ол> Павел не находил в этом ничего нарушающего порядок Божия домостроительства, ибо у Бога есть «предизбранные» к тому или другому назначению,^[30] и Ориген в своем знаменитом сочинении «*О началах*» блистательно доказывает законность такого несходства и видит в нем лучшее доказательство индивидуальности нашего духа даже до его воплощения. Если возьмем одну нашу русскую историю, то в ней не оберемся примеров такого же несходства. Со времени равноапостольного Владимира до самых поздних дней дети русских государей почти никогда не были зеркальным отражением своих отцов. Литература тоже, конечно, неслучайно являет те же примеры, и у нас на Руси эти примеры получают, может быть, особенную осязательность. Замечательно, что все герои и героини в произведениях имеющего европейскую известность романиста нашего Тургенева резко непохожи на своих родителей. Недавно вышедший весьма обстоятельный исторический труд «*Замечательные богатства частных лиц в России*»^[31] уже не в вымысле, а во всей исторической правде делает поразительный свод постоянного несходства нравов детей с их родителями: сыновья замечательнейших государственных деятелей и честных людей, как бы по какому-то роковому предназначению, выходили негодьями, не останавливающимися даже перед воровством денег с игорных столов, за что и «часто биты бывали, но не исправлялись» (См., напр.<имер>, вымерший род кн. Одоевских). А потому мысль о зеркальном отражении есть мысль крайне шаткая и противоречащая серьезному наблюдению.

На 1-м столб. 39 стр. Лиза, дочь рабочего, «хлопочет у плиты, чтобы не отпустить отца без чаю». В жильях русских рабочих нет плит, а есть варистые печи; на плитах чай готовят в Англии, а в России его готовят иначе, и вдобавок, наши рабочие, уходя на работу гораздо ранее, чем западные рабочие, не пьют дома утреннего чаю и довольствуются завтраком во время первого отдыха.

На 40 стр. столб. 1-й в рассказе о несчастии, случившемся на железной дороге, умирающий человек, которому предлагают послать за священником, отвечает: «*Теперь поздно, — было время об этом подумать, когда чуть было не погиб на железной дороге. Не раскаялся тогда, теперь, конечно, погиб*». Такая сухая, рассудочная выходка со стороны человека, прожившего жизнь в русских понятиях о спасающей силе покаяния и таинстве крови Христовой, положительно невозможна. Говоря о русских людях, скорее можно допустить некоторую неосновательность замечания одного иностранного наблюдателя, что «русские живут гораздо хуже, чем умирают», может быть, можно найти некоторое излишество в их расчете на примирение с Богом в последнюю минуту жизни, но от примирения этого через священника не отказываются даже самые закоренелые злодеи и умирают в вере, что примирение не опоздало, ибо «Аще и двенадесетом часе приидох, — ни что же сумняся» и «не лишится мзды своя наравне с порабатавшими от часа первого».^[32] Заматерелое неверие у нас встречается только среди людей так называемого «культурного слоя», к которому рабочие не принадлежат.

Здесь же, на картинке к рассказу «*Нет, братцы, не стану пить*», рабочие, соблазняющие Ивана, сгруппированы у дверей заведения, над дверьми которого висит фонарь и надписано: «Sir Francis Drake». Редакция поступила бы предусмотрительнее, если бы, приспособляя эту картинку к рассказу о рабочем Иване, стерла «Sir Francis Drake», так как русские рабочие в заведения под иностранными вывесками еще не ходят.

За сим мне остается упомянуть о текстах из Св. Писания, помещенных на задней странице каждого номера «Русского рабочего». О внутренних их достоинствах, разумеется, говорить нечего, но подбор их нельзя назвать удачным. В английских народных изданиях, где принято помещать крупно напечатанные тексты, изречения эти берутся не случайно, как бы по вкусу редактора, а они группируются и приспособляются к известным целям. Для этого преимущественно берут тексты так называемые «учительные», руководящие человека в его житейских поступках, а не созерцательные, вызывающие на богословствование. Недавно у нас в Комитете был

рассмотрен такой подбор, сделанный графом Модестом Корфом^[33] при издании им картин, который и одобрен для раздачи отличным ученикам начальных школ.^[34] Подбор этот для людей, знакомых с Библией, нисколько не затруднителен, ибо по-английски давно напечатана так называемая «*Ручная Библия*», где все учительные тексты расположены по категориям. На русском языке такая Библия тоже была издана Новиковым в Москве в 1784 году.^[35] Гр. Модест Корф, надо полагать, имел это в виду, и подбор текстов на его картине сделан очень обдуманно. Редакция же «Русского рабочего», очевидно, не воспользовалась пособиями, которые мною выше названы, и оттого в числе как бы случайно избранных ею текстов есть такие, значение которых для простолюдина будет неясно. Напр. <имер>, № 5: «Вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим, оживотворил со Христом»;^[36] № 10: «Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь».^[37] Все это такие тексты, которые еще требуют опытного истолкования и которые, конечно, гораздо полезнее было бы заменить прямыми и простыми текстами характера учительного, имеющими непосредственное приложение к жизни.

В заключение не могу не указать на тщательное устранение из журнала «*Русский рабочий*» всего, что касается истории нашей церкви; здесь нет также ни слова ни о наших святых людях, которыми «красна земля русская»,^[38] (кроме Александра Невского, о котором повествуется только как о государственном деятеле). Между тем наш читатель из простолюдинов всегда этими рассказами очень интересуется, и в примерах жизни, в высоких свойствах духа и характеров святых людей всего более почерпает живые силы для воспитания своего собственного духа и направления ума к возвышенным целям бытия человеческого. Весьма вероятно, что недопущение подобных рассказов в журнал «Русский рабочий» есть простая случайность ввиду успехов сильно распространяющейся пропаганды еретического учения, известного у нас под именем «штундизма», который устраняет почитание святых; не может ли эта случайность казаться несколько странною в издании, направленном в рабочий класс русского народа?

Представляя Комитету обо всем этом, я нахожу себя в затруднении выразить мое мнение о журнале «Русский рабочий». Изящная внешность этого издания и везде проглядывающая благонамеренность его редакции говорят в ее пользу, между тем как, с другой стороны, в нем есть погрешности и недостатки, которые тоже должны иметь свое значение. А посему, колеблясь в своем мнении о «Русском рабочем», я имею честь просить Комитет принять мой отчет без заключительного мнения и постановить заключение после обсуждения всего мною доложенного.

[По выслушании сего мнения и по внимательном рассмотрении самого издания Ученый Комитет не признал возможным одобрить это издание в настоящем виде для употребления в народных школах, да оно едва ли будет встречено с сочувствием и русскими рабочими людьми. Но ввиду изящества издания и значительных на него затрат, а равно и доброго намерения редакции, Комитет признал желательным, чтобы для дальнейшего продолжения издания были привлечены силы, более знакомые с нравами, обычаями и потребностями русских рабочих людей.

Определено: Заключение Ученого комитета представить на благоусмотрение Его Сиятельства Г. Товарища Министра Народного Просвещения].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Журнал «Русский рабочий» издавался в Санкт-Петербурге с 1875 по 1886 годы. До 1881 года его главным редактором и издателем была Мария Григорьевна Пейкер, после ее смерти ее дочь Александра Ивановна Пейкер. Издание журнала поддерживал один из наиболее известных последователей лорда Редстока в России Василий Александрович Пашков.

² Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889) в 1876 году был одновременно министром народного просвещения и обер-прокурором Святейшего Правительствующего Синода. В 1872 году Лесков ходатайствовал о зачислении на службу в Синод, но, видимо, именно Толстой не приветствовал это решение — см.: *Рейсер С. А.* Н. С. Лесков и народная книга. С. 182.

³ Матф. 13: 3–23; Мк. 4: 3–20. Также притча изложена в Евангелии от Луки (Лк. 8: 5–15). Перечисленные выше детали (терние, птицы, клюющие зерна, а также два вида земли — каменистая

и плодородная) — устойчивые мотивы притчи, повторяющиеся у трех евангелистов.

⁴ Прообразом журнала «Русский рабочий» послужило аналогичное английское название со схожим названием «Британский рабочий» («The British Workman»), издававшееся Лондонским Обществом религиозных трактатов. Журнал «The British Workman» (первоначальное заглавие «The British Workman and Friend of the Sons of Toil» — «Британский рабочий и друг пролетариев») выходил в Англии с 1855 года. Его издателем был Thomas Bywater Smithies (1817–1883). Цель издания была обозначена в одном из первых номеров: «...укреплять здоровье, благосостояние и счастье рабочих классов» («The British Workman». 1855. Feb.; перевод мой. — *О. М.*). Подробнее см.: *Rowe G. S. T. B. Smithies* (Editor of «The British Workman»). A memoir. London, 1884. P. 52–54; *Dictionary of Nineteenth-century Journalism in Great Britain and Ireland / General editors Laurel Brake, Marysa Demoor*. London; Ghent, 2008. P. 80.

⁵ В рукописи явная ошибка: «она обойдется».

⁶ Сюжет второй главы Евангелия от Луки включает в себя Рождество, Обрезание и Сретение, заканчивается описанием прихода 12-летнего Иисуса в Храм. Евангелие от Луки — единственное из четырех канонических Евангелий, которое включает в себя сцену поклонения волхвов, поэтому, возможно, и выбрано для чтения, благодаря своей образности и сказочному колориту, среди других Евангелий.

⁷ Ср.: «...елку до сих пор считают обычаем „еретическим“ и даже языческим» («Сентиментальное благочестие», с. 314).

⁸ Ср.: «Он понял, что прощение грехов за добрые дела невозможно, что грехи только могут быть омыты святою кровию, а святая кровь уже пролита и оmyвает всякого чувствующего свою немощь и принимающего Христа как единого ходатая между Богом и человечеством» (*Лесков Н. С.* Великосветский раскол. С. 31).

⁹ Ср.: Лк. 3: 8; Мф. 3: 8.

¹⁰ Мф. 25: 12, 41.

¹¹ Источник цитаты неизвестен. Можно предположить, что Лесков пересказывает своими словами общее место, встречающееся у многих мистиков. Ср., например: «До покаяния человек подобен пустынной земле, где обитают ужасные дикие звери, драконы, рогатые совы, совы-неясыти, гадюки и геморроиды, с зарослями, населенными охимами и циймами, в которых пляшут сатиры. Когда этих тварей человек изгоняет своим трудом и усердием, пустыня становится пригодной к тому, чтобы ее вспахать и обработать и засеять сначала овсом, бобами и льном, а затем ячменем и пшеницей» (Цит. по: *Сведенборг Э.* Истинная христианская религия, содержащая общее богословие Новой Церкви, предречённой Господом у Даниила 7:13, 14 и в Откровении 21:1, 2. § 531).

¹² Можно предположить, что под «новой христианской школой» Лесков понимает активизацию протестантских обществ в середине

XIX века. При этом их основной целью была так называемая «внутренняя миссия», т. е. проповедь Слова Божия среди собственного народа, а также активная социальная деятельность (приюты, общества трезвости, больницы и т. п.).

¹³ Эжен Берсье (1831–1899) — протестантский пастор и проповедник, основатель «Церкви (прихода) Звезды» (Église évangélique de l'étoile), составитель литургии. Особую известность ему принесли проповеди, в которых он, отталкиваясь от каких-либо текстов Священного Писания, приходил к рассуждению о проблемах общества, нравственности, христианства в современном мире. Его «беседы» широко переводились на другие языки, потому что являлись блестящим примером актуализации библейских тем и сюжетов, при этом сам Берсье обладал достаточно широкой конфессиональной позицией, не стремясь к проповеди протестантизма. См. также: *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1956–1958. Т. 8. С. 570 (комм. А. И. Батюто).

¹⁴ Точнее: «...но да не ввергнет нас дарованное Тобою прощение в беспечность». Молитвы пастора Берсье были опубликованы самим Лесковым в качестве второго приложения ко второму и третьему изданиям очерка «Великосветский раскол», однако нумерация молитв в них отсутствует. См.: *Лесков Н. С.* Великосветский раскол. Прил. II. С. 21.

¹⁵ Речь идет о журнале «Экономист», издававшемся в 1858–1865 годах И. В. Вернадским.

¹⁶ «Устав о воинской повинности» 1874 года предполагал сокращение срока службы в соответствии с полученным образованием. См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета О всеобщей воинской повинности. Устав о воинской повинности // Полн. собр. законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1876. Т. 49. Отд. 1. С. 9–10 (№ 52983. Гл. VI. Ч. IV. § 53–61).

¹⁷ Текст известен как «Молитва мытаря». См.: Лк. 18: 9–14.

¹⁸ «Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него» (1 Иоан. 4: 9).

¹⁹ Можно предположить, что речь идет об издании: *Стерн Л.* Нравоучительные речи и некоторые нравственные мнения г. Стерна: те самые, о которых он в первом письме своем к славной Элизе Драпер говорит, что они проистекли пламенной рекой из его сердца и что он предпочитает их всем прочим его сочинениям / Пер. [с фр. и предисл. Петра Чигагова]. М., 1801.

²⁰ Иоан. 6: 37.

²¹ Иоан. 14: 2.

²² 1 Кор. 2: 9.

²³ Впервые: *Филарет (Дроздов), архим.* Записки на Книгу бытия, руководствующие к разумению писмени ея, и к испытанию духа ея, при посредстве сличения переводов с подлинником, мнений св. отец и толкователей, преимущественно же, ясных, и собой другие объясняющих,

мест самого священного писания: Из уроков Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1816.

²⁴ На русском языке впервые: *Кейт А.* Доказательства истины христианской веры, основанные на буквальном исполнении пророчеств, истории евреев и открытиях новейших путешественников / Пер. с 38-го изд. бар. Отто Эльснера. СПб., 1870.

²⁵ Ср., например, отрывок из поучения преп. Макария Оптинского (Иванова): «Мы, говоря: „Господи, даждь ми смирение“, — должны принимать те врачевства с любовью, кои нам от Бога посылаются ко врачеванию — как гордости, так и прочих грехов, а оные суть: скорби, поругания, укоризны и досады от других, все это посылается Промыслом Божиим к нашему испытанию и исправлению, то и должно нудить себя носить их ко испровержению нашей гордости и за грехи» (Цит. по: Душеполезные поучения преподобных оптинских старцев: В 2 т. Козельск, 2000. Т. 1. С. 169).

²⁶ Дискуссия о допустимости телесных наказаний была начата в 1858 году по инициативе Н. И. Пирогова публикацией статей «Нужно ли сечь детей и сечь в присутствии других детей» (1858), «Правила о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа» (1859).

²⁷ См.: *Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. Т. 1. С. 352.

²⁸ Ср.: «Не могу ли Я поступить с вами, дом Израилев, подобно горшечнику сему? говорит Господь. Вот, что глина в руке горшечника, то вы в Моей руке, дом Израилев» (Иерем. 18: 6).

²⁹ Ср.: Иов 18: 17.

³⁰ См.: Рим. 8: 16–30.

³¹ *Карнович Е. П.* Замечательные богатства частных лиц в России. Экономическо-историческое исследование. СПб., 1874. См. также: *Брикнер А. Г.* [Рец. на:] Замечательные богатства частных лиц в России. Экономическо-историческое исследование Е. Карновича. С.-Петербург. 1874 // Журнал министерства народного просвещения. 1874. Ноябрь. С. 171–175.

³² Мф. 20: 6–12.

³³ Модест Модестович Корф (1843–1936) — сын М. А. Корфа, церемониймейстер и гофмейстер двора; один из учредителей Общества поощрения духовно-нравственного чтения, увлеченный сторонник пашковства. В 1884 году выслан из России по инициативе Синода.

³⁴ См.: РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 28. С. 941–945.

³⁵ Лесков имеет в виду следующее издание: *Тельде И.* Избранные места из Священного Писания, или Введение к таинственной мудрости и сокровенной истине духа Божия и Господа нашего Иисуса Христа; с приобщением заключительного напоминания некоторых вещей, о коих мы всегда по справедливости вздыхать должны пред Богом и молить Его об оных. М.: у Н. Новикова, 1784.

³⁶ Еф. 2: 1, 5.

³⁷ Гал. 6: 8.

³⁸ Если взятый Лесковым в кавычки текст действительно является цитатой, можно предположить, что ее источник — «Слово о погибели земли русской»: «О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Русь-кая! И многими красотами удивлена еси...» В пользу этого предположения говорит тот факт, что этот фрагмент несохранившегося текста дошел до нас в двух списках, и в обоих — в виде предисловия к «Повести о житии Александра Невского» (см.: Слово о погибели Русской земли / Подг. текста, пер. и комм. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5. С. 90), о жизнеописании которого рассуждает Лесков. Нашей гипотезе противоречит тот факт, что «Слово» впервые было издано в 1892 году. Однако с большой осторожностью можно предположить, что об этом фрагменте писатель мог узнать от К. Г. Евлентьева, знавшего о нем уже в 1878 году (см.: *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 5).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965.
2. *Брикнер А. Г.* [Рец. на:] Замечательные богатства частных лиц в России. Экономическо-историческое исследование Е. Карновича. С.-Петербург. 1874 // Журнал министерства народного просвещения. 1874. Ноябрь. С. 171–175.
3. Душеполезные поучения преподобных оптинских старцев: В 2 т. Козельск, 2000. Т. 1.
4. Журналы заседаний особого отдела ученого комитета Министерства народного просвещения. 1875 г. // РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 28.
5. Журналы заседаний особого отдела ученого комитета Министерства народного просвещения. 1876 г. // РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 31.
6. Журналы заседаний особого отдела ученого комитета Министерства народного просвещения. 1877 г. // РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 33.
7. *Ильинская Т. Б.* Русское разноеверие в творчестве Н. С. Лескова. СПб., 2010.
8. *Карнович Е. П.* Замечательные богатства частных лиц в России. Экономическо-историческое исследование. СПб., 1874.
9. *Кейт А.* Доказательства истины христианской веры, основанные на буквальном исполнении пророчеств, истории евреев и открытиях новейших путешественников / Пер. с 38-го изд. бар. Отто Эльснера. СПб., 1870.
10. *Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 1, 2.

11. *Лесков Н. С.* Великосветский раскол. Гренвиль Вальдигрев лорд Редсток, его жизнь, учение и проповедь. Очерк // Православное обозрение. 1876. Т. 3. № 9 и 10. С. 138–178, 300–326; 1877. Т. 1. № 2. С. 294–334.
12. *Лесков Н. С.* Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. Очерк современного религиозного движения в Петербургском обществе. 3-е изд. СПб.: Тип. В. Тушнова, 1877.
13. *Лесков Н. С.* Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. Очерк современного религиозного движения в Петербургском обществе. М., 1877.
14. *Лесков Н. С.* На краю света (Из воспоминаний архиерея) // Гражданин. 1875. № 52. 28 дек. С. 1284–1286; 1876. № 1. 5 янв. С. 13–15; № 2. 12 янв. С. 45–49; № 3. 18 янв. С. 75–80; № 4. 25 янв. С. 107–109; № 6. 8 февр. С. 168–172.
15. *Лесков Н. С.* Несколько слов по поводу записки преосвященного митрополита Арсения о духоборских и других сектах // Гражданин. 1875. № 15–16. С. 377–381.
16. *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1996.
17. [*Лесков Н. С.*] Религиозные новаторы. Редсток и Вальденштрем // Новое время. 1879. № 1165. 29 мая. С. 2–3.
18. *Лесков Н. С.* Сентиментальное благочестие (Ежемесячное издание «Русский рабочий» М. Г. Пейкер) // Православное обозрение. 1876. Т. 1. № 3. С. 526–551.
19. *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1956–1958. Т. 8.
20. [*Лесков Н. С.*] Чудеса и знаменья // Церковно-общественный вестник. 1878. № 40. С. 3–4.
21. *Макаревич О. В.* Imitatio как один из принципов поэтики Н. С. Лескова // Летняя школа по русской литературе. 2012. Т. 8. № 1. С. 244–254.
22. Полн. собр. законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1876. Т. 49.
23. *Рейсер С. А.* Н. С. Лесков и народная книга // Русская литература. 1990. № 1. С. 181–194.
24. *Сидяков Ю. Л.* «Великосветский раскол» и народные этические искания в публицистике Н. С. Лескова // Актуальные проблемы теории и истории русской литературы. Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1987. Вып. 748. С. 109–119.
25. Слово о погибели Русской земли / Подг. текста, пер. и комм. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5. С. 90.
26. *Стерн Л.* Нравоучительные речи и некоторые нравственные мнения г. Стерна: те самые, о которых он в первом письме своем к слав-

- ной Элизе Драпер говорит, что они проистекли пламенной рекой из его сердца и что он предпочитает их всем прочим его сочинениям / Пер. [с фр. и предисл. Петра Чигагова]. М., 1801.
27. *Тельде И.* Избранные места из Священного Писания, или Введение к таинственной мудрости и сокровенной истине духа Божия и Господа нашего Иисуса Христа; с приобщением заключительного напоминания некоторых вещей, о коих мы всегда по справедливости вздыхать должны пред Богом и молить Его об оных. М.: у Н. Новикова, 1784.
28. Dictionary of Nineteenth-century Journalism in Great Britain and Ireland / General editors Laurel Brake, Marysa Demoor. London; Ghent, 2008.
29. *Edgerton W.* Leskov, Paskov, the Stundists and Newly Discovered Letter // *Orbis scriptus Dimitrij Tschipewskij zum 70 Geburtstag.* München, 1966. S. 187–199.
30. *Rowe G. S.* T. B. Smithies (Editor of «The British Workman»). A memoir. London, 1884.